

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Магомедова П.А., Аливалиева Д.А. — Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие») // Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40409 EDN: MVERUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40409

Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)

Магомедова Патимат Ариповна

ORCID: 0000-0002-8177-8951

доктор филологических наук

профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет

367026, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Мурсалова, 110

✉ p_magomedova@mail.ru

Аливалиева Джамилат Абдулкадировна

аспирант, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет

367026, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43, оф. а

✉ djam.schagbanova2014@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40409

EDN:

MVERUE

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2023

Дата публикации:

13-04-2023

Аннотация: Статья посвящена проблеме репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в религиозном и паремиологическом дискурсах разноструктурных языков. Основная цель исследования – установление сходств и различий в языковой объективации духовных ценностей/антиценностей в аварской и русской лингвокультурах на материале концепта «Вера/Неверие», который представляют

собой один из базовых концептов, затрагивающих в совокупности все ценностно-поведенческие сферы человеческого бытия. В религиозном сознании верующего человека (будь он христианин или мусульманин), по своему естеству заложена тяга к добродетели, стремление к облагораживанию нрава, осмысление и номинация всего этого происходит посредством конкретных языковых знаков и их смыслов. Рассмотрены понятийные, ценностные и образные составляющие исследуемого концепта. Актуализация в лексических системах различных языков, лексем с религиозным (исламским) значением, масштабная активность текстов указанной тематики в различных жанрах, особенно в текстах масс-медиа, выдвигают перед лингвистами новые перспективные направления междисциплинарных исследований. Новизна исследования состоит в как в разработке исследования в аспекте сопоставительной теолингвистики впервые на материале указанных языков, так и в интегральном использовании лингвоконцептуального и теоконцептуального методов. В статье прослеживается тесная связь когнитивных признаков изучаемого концептуального поля и духовно-нравственных концептов, имеющих при языковой вербализации свою специфику в каждом из сопоставляемых языков.

Ключевые слова:

аварский язык, ценности и антиценности, вера и неверие, религиозный концепт, иман, паремии, теолингвистика, духовные тексты, фреймы, универсалии

Наиболее актуальными и научно оправданными на современном этапе развития языкознания (в том числе и сопоставительного) многими учеными признаются научные разработки, в которых язык, объективирующий все аспекты материальной и духовной сфер человеческого бытия, представлен феноменом *Homo loques*. Обращает на себя внимание «неослабевающее стремление современных исследователей к изучению репрезентации в языке категории непреходящих духовно-нравственных ценностей как смыслообразующих оснований бытия человека» [\[29, с. 988\]](#). Лингвоаксиологический подход к исследованию единиц языка в контексте воплощения в них определенных ценностей/антиценностей коррелирует с линвокультурологическим подходом, при котором исследуется концепт как «многомерное ментальное образование, имеющее три важнейших измерения - образное, понятийное, ценностное» [\[14, с. 5\]](#). Заметим, одним из обязательных составляющих в структуре концепта является ценностный компонент.

«Под ценностью понимаются цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие нормы его поведения» [\[25, с.24\]](#). Не вызывает сомнения тот факт, что ценности – это не качества и свойства, присущие предметам, они «сами не реальны, а лишь идеальны, но и не относятся к явлениям сознания. Этот ряд взаимоисключающих положений обусловлен парадоксальностью самой природы оценки» [\[7, с.105\]](#).

Понятие *Духовные ценности* рассматриваются в лингвистике как сплетение религиозного, интеллектуального и нравственного компонентов, составляющих его сущность. Как указывают ученые, «язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры» [\[7, с.127\]](#). «Можно с уверенностью отметить, что основополагающими признаками религиозного концепта являются его сакральность и наличие у него ценностной составляющей» [\[25, с.87\]](#). Следовательно, исследование

религиозных концептов позволяет выявить основные аксиологемы отдельной лингвокультуры.

В настоящей статье нами предпринята попытка выявления сходств и различий в языковой объективации духовных ценностей/антиценностей в русской и аварской лингвокультурах, в частности, на примере концепта «Вера/Неверие». «Концепт веры наиболее явно присутствует в авраамических религиях, играя в них фундаментальную роль. Категория веры как связи человека с Богом эксплицирована уже в книге Бытия...» [20, с. 82]. В религиозном сознании человека все благое, имеющее непреходящую духовную ценность всегда представлено в противоположность антиценностям, приносящим зло, несчастья, беды. Ученые провели исчисление ценностных диад на основе анализа религиозной (православной) картины мира: «основные конвенциональные ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре и языке социумов, могут быть отражены в десяти диадах» [5, с. 25]. При этом представлен анализ аксиологем различного характера: витальные ценности и антиценности (Жизнь – Смерть; Здоровье – Болезнь); религиозные ценности и антиценности (Рай – Ад) и т.п. При этом анализируются аксиологемы, «репрезентируемые библейскими текстами и фразеологизмами, афоризмами в контексте несоответствия этим ценностям в отдельных эпизодах современной жизни» [5, с. 26].

Нас интересует проблема репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в исламском и православном дискурсах с целью выявления специфики лингвокультурного концепта.

Рассмотрим понятийную составляющую исследуемого концепта, сущность которой «состоит в определении признаков его содержания, зафиксированных в словарных дефинициях, в построении структурной модели в виде фрейма, в установлении его исходного смысла, зафиксированного во внутренней форме слова...» [15, с. 321]. Проведем анализ имеющихся данных словарей и справочников.

Концепт «Вера», в основе которого лежит тесная связь с концептом «Доверие», определяется как «круговорот общения» двух (по крайней мере) субъектов» [31, с. 403]. В православно-христианском дискурсе, «...в основе рассматриваемого слова [вера] лежит корень, обозначающий правду и истину, а с другой стороны милость, любовь и красоту, и имеет нравственную связь с лицом, которое является носителем веры» [8, с. 55]. Вместе с тем, вера – некий волевой акт, который имеет силу и решительность психологического характера, иногда и аксиоматического плана. «Основания веры лежат глубже знания и мышления, она по отношению к ним есть факт первоначальный, а потому и сильнее их» [33, с. 352.].

Описание концепта «Вера» проводилось ранее лингвистами на материале русского языка на основе дефиниций из словарей, анализа функционирования в определённых текстах. Так, например, в работе [6] были выделены контекстуальные коннотативные семы: «истинность», «твёрдость», «обращение в веру», «верность/доверие», «спасение», «отсутствие веры», которые входят в околядерную зону концепта *Вера* на системно-языковом уровне религиозного дискурса [цит. по 14, с. 286]. Понятие *Вера* (равно как и *Неверие*) относится к числу базовых, ядерных, опорных концептов, то есть является константой [38]. Многими исследователями и не раз высказывалась мысль о том, что опорные концепты связаны с базовыми ценностями любого человека. «С концептуальной точки зрения все базовые ценности представляют собой совокупность

внутренних качеств личности, ориентированных на творение добра и воплощающих человеческий идеал в его моральном совершенстве» [\[28\]](#).

Рассматривая *В е р у* как основу мировосприятия и миропонимания в русской лингвокультуре, Т. Б. Радбиль заключает: «...языковые данные свидетельствуют о том, что в русском мире именно ВЕРА выступает базовым способом совокупной духовной (мыслительной, эмоциональной, интенциональной, волитивной, религиозной, этической), ценностной и поведенческой активности этноса, основой национального мировосприятия и миропонимания в целом, ядерным компонентом национальной идентичности» [\[34, с. 33-34\]](#). Следовательно, анализируемые понятия представляют собой базовые концепты, затрагивающие в совокупности все ценностно-поведенческие сферы человеческого бытия.

С лингвистических позиций, согласно лексикографическим источникам русского языка [\[19\]](#) лексема *Вера* имеет три лексико-семантических варианта: 1) твёрдая убеждённость, глубокая уверенность в ком-, чём-л.; 2) религиозное учение, вероисповедание; религия; 3) доверие.

В религиозном исламском дискурсе «Иман (вера) – это признание сердцем [истинности Аллаха и его Пророка], свидетельство об этом языком и исполнение предписаний религии [телом]» [\[3, с. 528\]](#). В относительно недавно проведенном исследовании концепта «Иман/Вера» в русскоязычном исламском дискурсе представлен анализ основных репрезентантов данного концепта, особенности лексикографического портрета лексем *вера* и *иман* . [\[25\]](#).

Если (согласно православно-христианскому вероучению) абсолютные смыслы, носителем которых является определенная религия, «оседающая» в религиозном сознании, «обретаются в Откровении» (В. И. Поставалова), то в традиционном исламском сознании осмысленное миропонимание, регулирующее всю сознательную жизнь мусульманина, построено на ценностных смыслах священного Корана и Сунны. Вера мусульманина сводится к убежденности в том, что все практические предписания Корана и Сунны являются истинными и неоспоримыми наряду с другими предписаниями, и обязательны для исполнения.

Коран и Сунна рассказывают верующему о том, что для него благо, а что зло, и какие поступки хорошие и праведные, а какие — скверные и низкие [\[30, с. 7\]](#). *ХІакъълунго гъаб Къуръан буго жинца хІакъабги, батІулабги жо батІа гъабубеб, хІалалаб, хІарамаб жо баян гъабубеб тІадегІанав Аллагъасул калам* [\[4, с. 673\]](#).

Вместе с тем высказано мнение, «Ключевая идея, характеризующая богословское восприятие нравственного, состоит в том, что Бог является высшим добром и источником человеческих представлений о добре и зле, о нравственном и безнравственном... Принятие этой идеи в качестве истинной позволяет религиозному человеку осмыслять само понятие нравственного не только в качестве этического, но и в качестве онтологического» [\[11, с. 115\]](#). Нельзя с этим не согласиться, учитывая, что в религиозном сознании верующего человека (будь он христианин или мусульманин), по своему естеству заложена тяга к добродетели, стремление к облагораживанию нрава. Естественное, осмысление и номинация всего этого происходит посредством конкретных языковых знаков и их смыслов.

Трудно не заметить, что в русской лингвокультуре одна лексема обслуживает

религиозный и секулярный дискурсы, тогда как в аварском языковом сознании в исламском дискурсе употребляется заимствованная из арабского языка лексема *иман*, имеющая, согласно лексикографическим источникам, следующие лексико-семантические варианты:

1) вера (в Бога) ;

2) *перен* . преклоняться *перед кем-чем-л.* ; фетишировать *кого-что-л.* ;

3) *перен* . совесть, совестливость; честность, порядочность. [1, с. 521]. Сравним с лексемой *иман* в русском языке [от араб. - *верить*], в исламе, признание языком и сердцем «за истину того, что ниспослано Всевышним и что приносит Мухаммад, посланник Аллаха» [17, URL].

Уточним: *иман* не религия и не вероисповедание (как у рус. *Вера*²), а сама вера (*иман*¹) как убежденность, само состояние безусловного принятия и признания Бога/Аллаха и его Пророка, священного Писания/Корана и т.д.

Здесь необходимо отметить: сама по себе Вера в Бога, являясь частью внутренней духовной жизни человека не представляет собой базовой ценности; базовой ценностью является ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ в исламском дискурсе ( ), СЛУЖЕНИЕ БОГУ – в православно-христианском дискурсе. Это целый комплекс правил соблюдения канонів религии (молитва, пост, закят, паломничество и др.), выполнения ее заповедей, отказ от запретного и принятие дозволенного (в исламе: *харам* и *халяль*), работа над усмирением своего эго (*нафса*), контроль за своим сердцем на наличие искренней любви к Творцу и ближнему. Развивая высказанную мысль, заметим, именно соблюдающая религиозная личность, образом жизни которой являются Священные Писания, стремится к добродетели, к совершенствованию своей морально-этической сущности (срав. авар. *иман бугев* «порядочный; совестливый (букв. *имеющий веру*)»; *иман бахъун* «бессовестно, беспардонно» (букв. *веру отняв*). Процесс десакрализации *иман* в аварской лингвокультуре привело, во-первых, к широкому спектру употребления данной лексемы за рамками религиозного дискурса; во-вторых, позволило поставить знак тождества в определенных случаях между понятием *верующий (набожный)* человек = *совестливый (порядочный, честный)* человек. О завершенности процесса десакрализации значения *иман* свидетельствует фиксация словарями последних изданий производного значения «совесть, совестливость; честность, порядочность», что не представлено в словарной статье в Аварско-русском словаре 1967 года издания.

В религиозном сознании мусульманина, согласно канонам религии, отсутствие веры распространяется на духовно-нравственную сферу человека, его отношения в обществе, семье, морально-этические стороны поведения; религия «вычленяет такие пороки человеческой сущности, как высокомерие, гордыню, лживость, любовь к сплетням и клевете. [23, с.38]. По крайней мере в мусульманском сознании «Вера/Неверие многокомпонентное понятие, в котором объединены святость и грех, добро и зло, совесть и бессовестность, смиренность и гордыня, истина и ложь и т.п.

В аварской лингвокультуре для обозначения твёрдой убеждённости, уверенности в ком-, чём-л.; в том числе семантики доверия (нерелигиозная сфера) употребляется глагольная лексема *божизе* и производные от нее существительные *божи*, *божилъи*, в том числе *божугут I* и «неверие; безверие». *Г I умруялда жаниб т□оцебесеб нухаль гъав х□акъикъаталь гуккана, гъасул рек□елбожилъиги рокъиги ч□авана.*(Г□. Шахтаманов, Къуруль пух щвеч□еб бис). «Впервые в жизни он столкнулся с ложью, что убило в его

сердце веру и любовь». Нижеца «Миллат» абураб газета биччазе квер барабго цохIo нижер ахIмакьаб **божилъиги**, битIахье, гьeб газетальухь урхьун почтабазул отделениязда ва киоскал сверун терелел магIарулалги ругеб гIадаб асар букIана » <http://www.maarulal.ru/avarpress/362-gazeta-millat.html> «Когда мы начинали издавать газету «Миллат», у нас появилась глупая уверенность, что читатели будут нетерпеливо обегать почтовые отделения и киоски в ожидании очередного номера».

Как отмечает Талапова Т. А., в русской языковой картине мира «основные семантические признаки концепта «Вера/Неверие»: правда, верность, истина, обещание, обет / недоверие, отсутствие веры, сомнение» [42, с.12]. Если в русской лингвокультуре вербальными операторами оппозитивного концепта «Вера/Неверие» выступают одноименные лексемы, объективирующие семы «убежденность, уверенность в ком-, чём-л.»; «религиозное учение, вероисповедание»; «доверие», то в аварской концептосфере обнаруживается своеобразная дифференцированность репрезентантов на два самостоятельных концептуальных подполя:

1) «Иман/Купр(у)» с когнитивными признаками «вера в Аллаха», «убежденность в истинности Его религии (дин) и ниспосланного Всевышним»/«неверие», «непризнание ислама или отход от его норм». Отметим, вербальным оператором *Неверия* в исламском дискурсе аварского языка выступает лексема *купр(у)* [арабск.] – 1) безбожие, неверие; богохульство; 2) неверные, гяуры [1, с. 595]. Следует отметить, что указанная лексема ограничена сугубо сакральной сферой употребления. В аварской лингвокультуре широкой употребительностью отличается лексема *божунгутIи* «безверие; неверие; богохульство; недоверие» либо устойчивые сочетания *иман бахъун* (букв. веру отняв) в знач. бессовестно, беспардонно; безжалостно. *Самица гьей гIемер гуккулаан, амма гьаб жакъагIан иман бахъун цониги нухаль гуккун йикIинчIo гьей*. (М. Сулиманов, ТIаса ришарал) «Сами часто обманывал её, но так бессовестно, как сегодня, никогда не обманывал» [26, с. 126].

2) «Божилъи/БожунгутIи» с когнитивными признаками «доверие к кому-, чему-либо», «вера, убежденность, уверенность», «надежда, упование», «безопасность»; (авар. *боржи бугеб магIарда хIамица гIундул тарал (посл.)* «на безопасной горе осел уши потерял»)/ «безверие, безбожие», «недоверие», «неуверенность, сомнение». Нетрудно заметить, что «БожунгутIи/Неверие» в аварском языковом сознании допускает актуализацию указанных признаков в секулярной сфере, равно как и в религиозном (исламском) дискурсе. Чего нельзя сказать о *божилъи* : только в обыденно-секулярном дискурсе.

Дуца иццул х I оринибе х I ац I у туна, божилъиялъе рек I к I гьабуна. Халкъаль гьединазда хиянатчиян абула. (ХI. ГIарипов, Чияр яс) «Ты плюнул в колодец, подорвал веру людей. В народе таких называют предателями».

В состав концептуального поля исследователи русской лингвокультуры неоднократно относят признак «вера как истина». «Анализ семантической структуры... лексем позволяет выделить единую ядерную сему: «признание, почитание за истину», что, в свою очередь, сближает концепты вера и истина и позволяет сделать вывод, что последний принадлежит околядерной зоне ассоциативно-семантического поля концепта вера» [6, с. 95]. Указанный концептуальный признак эксплицирован достаточно широко в религиозных текстах аварского языка, а также актуализирован во фразеологической системе языка: авар. *Къуръан бакъульа рагIи* «истина, верное слово, правда, (букв, слово из середины Корана) [26, с. 164].

Если в русской лингвокультуре основными семантическими признаками концепта «Вера/Неверие» признаются: «правда, верность, истина», «обещание, обет» / «недоверие, отсутствие веры», «сомнение» [\[42\]](#), то в аварской лингвокультуре выделяются признаки: «вера, покорность» «убежденность в истинности Бога»; «надежда, упование»; «безопасность»; «совесть, совестливость» / «безверие, безбожие», «недоверие», «неуверенность, сомнение».

Рассмотрим некоторые когнитивные признаки исследуемого концепта в интерпретационном поле русского и аварского языков.

Осмысление понятий *Вера* и *Неверие* носителями исследуемых лингвокультур может происходить неоднозначно: это может быть восприятие веры как живого существа (рус. *вера рождается, растет и умирает* ; авар. *иман бижи́зе, божи́льи гIезе, басра гьабизе «стареть»*), вера приобретает признаки и качества людей (рус. *искренняя, простодушная, слепая* ; авар. *ракIбацIцIадаб «искренняя», ракIазу́лье лъугьине «войти в сердце», загIипаб «болезненная, слабая», иман бергъарав «у которого вера победила [страсти]»*); вера осмысляется через пространственный код культуры (рус. *глубина веры, полная вера*; авар. *иманальул гъварилъи, борхалъи «глубина, высота веры»*); бытие/небытие веры (рус. *вера есть, утрачена, исчезла*; авар. *иман/божилъи бугеб/гъечIеб «вера/доверие имеющие/отсутствует»*); вера через количественный показатель (рус. *увеличиться, уменьшаться*; авар. *иман цIикIкIине, дагъльизе «вера увеличилась, уменьшилась»*); осмысление веры через признак крепости/слабости (рус. *крепкая, слабая, твердая*; авар. *шулияб «крепкая [в знач. здоровая], загIипаб «слабая», къуватаб «сильная», къвакIараб «твердая». В аварской лингвокультуре вера может быть представлена через весовой код тIадагъаб «легкая [в знач. легковесная], иманальул бакIлъи «весомость [тяжесть] веры».*

Особо следует остановиться на устойчивой языковой формуле, имеющей широкую употребительность в духовных текстах: иман лъезе (букв. веру положить) 1) «уверовать, принять религию» 2) «быть, стать благосклонным к кому-л., считать кого-л. своим кумиром» [\[1, с. 739\]](#). Феноменальность данного сочетания состоит в том, что им номинируется диффузная ситуация с компонентами «принять/присягнуть религии», «проявить покорность Аллаху», «сотворить себе кумира». *Иман лъурал гIадамал жидеда аскIор ккедал гъез абула нижги нужгогIадал муъминзаби ругин абун «Когда они [лицемеры] оказываются рядом с уверовавшими людьми, говорят, мы тоже из числа мусульман»* [\[43, с. 19\]](#). *Ялъуни гъеб хитIаб букIине бегъула жодоца кIалалъ иман лъурал, ракIаз иман лъечIел гIадамаздехун «Либо это обращение может относиться к тем, кто уверовал лишь языком, но сердцем не уверовал»* [\[43, с. 19\]](#). *Ялъуни гъеб иблис букIана, Аллагъасул азалияб гIилмоялдаго, иман лъун хадуса жиб капурлъизе бугеблъун «Или еще в предвечном знании Аллаха иблис (сатана) был из числа тех, кто впадет в неверие после того, как уверовал»* [\[4, с. 95\]](#). *РукIана ягъудиязул къотIи биххичIелги, свалат-салам лъеяв Аварагасде иман лъун, Исламалде рачIаралги «Были среди них не нарушившие договор с иудеями, присягнув Пророку, пришедшие в Ислам»* [\[4, с. 116\]](#). *Ахир къиямасеб къоялдаги, гъениб букIинесеб жоялдаги иман лъурал «Уверовавшие в Судный день и во все, что произойдет тогда»*

Неверие в сопоставляемых языках осмысляется: 1) как **грех** (кара за неверие) и **враг** (бороться с неверием) в русской лингвокультуре [\[42, с. 17\]](#); 2) **куфр, харам, мунагъ** в аварском религиозно-языковом сознании. В лингвистической литературе определено инвариантное толкование сакрального понятия *Грех* : «для человека, живущего в Боге и

понимающего, что действия типа А — плохие, а действия типа В — хорошие, потому что Бог определил, что А — плохо, а В — хорошо, [грех — это] совершение А и несовершение В, в результате чего человек становится виноватым перед Богом и перестает жить в Боге» (33, с. 171). Согласно исламскому мировосприятию самым большим грехом является вероотступничество, безбожие, неверие. В аварском языке функционируют специальные лексемы, номинирующие безбожного, вышедшего из веры человека: *имангъечI* «изувер, вероотступник» [1, с.521]; *капурчи* «неверующий, безбожник; неверный, нечестивый, поганый, кафир, гяур, иноверец (не мусульманин)» [1, с.549]; *инкарчи* «человек, который что-л. отрицает (напр. веру). Номинативная плотность данного концепта позволяет создать полное представление о его лингвокультурной специфике в аварском языке: *капураб* 1) рел. не исповедующий мусульманства; 2) рел. поганый, нечистый (с точки зрения ислама) 3) отвратительный; (*капураб махI* «отвратительный запах, вонь»); *капурлъизе* «становиться, стать немусульманином, отречься от ислама; не признать Аллаха и его посланника Мухаммеда»; *капурлъи* «вероотступничество (отглагольная номинация)», *капурлъизабизе* «понуждать к вероотступничеству», *капурлъизаби* «номинация от гл. *капурлъизабизе* ». Указанные лексемы имеют распространение в сакральном дискурсе, хотя в значении некоторых лексем произошла десакрализация: *капураб махI* «отвратительный запах»; *инкарчи* (в зн. отрицать вину, отказаться от предложения).

Любое понятие греха, отступления от законов Бога/Аллаха содержит (явно либо скрыто) идею наказания, расплаты за виновность перед Всевышним, следовательно, на периферии концептуального поля представлены соответствующие вербальные операторы: рус. *наказание, кара, возмездие*; авар. *тамахI* [гъабизе], *къисас, гIазаб, жаза*.

Неверие как концептуальный признак включает компонент «неискренность веры (лицемерие)» в аварской паремиологической картине мира: *Аллагъ рехсолеб – к I ал, хIарамаб боцIи кибдай бугоян – ракI* «На устах имя Аллаха, а в сердце – поиски запретного имущества»; *Радал къальизегIан, Къуран цIалулев, къальудаса нахье хIамул рикъулев* «С утра до обеда Коран читает, после полудня ослы уводит/ворует»; *Вихъизе – тIарикъятчи, ватизе – хиянатчи* «На вид – соблюдающий [каноны религии], а на самом деле – подлец». Сравним схожее в рус. *Бог на языке, а девка на уме* [9].

Неверие (нерелигиозная сфера)осмысляется как признак отсутствия доверия, надежности в божи *гъечIев* (букв . веры не имеющий) 1) ненадёжный; 2) трудный, тяжёлый.

Я бакъул хинлъи чIваялде, я чIаго хутIиялде божи гъечIел къоял чанги рукIана Салимил. (М. МухIамадов, Лъукъарал къураби) «Много было у Салима безнадёжных, тяжелых дней, когда он думал, что не выживет» [26, с. 49]

Паремиологическая картина сопоставляемых языков фиксирует когнитивные признаки концепта Вера/Неверие посредством актуализации тесной связи с ближайшими концептами «Бог», «Благонравие», «Грех», «Зло». Необходимо при этом отметить, что в аварской лингвокультуре малочисленны паремии с объективацией концепта «Вера/Неверие», объяснение этому факту найти сложно, вероятно, здесь имеет место и специфика исламского вероисповедания, сакральная заповедность темы веры, религии и Бога в Исламе.

Чудодейственная спасительная сила веры для человека в русских паремиях фиксируется

широко: *Вера животворит . Вера и гору с места сдвинет . Вера спасает. С верой нигде не пропадешь.* [9]. В аварской лингвокультуре не обнаружено ни одной паремии со схожим компонентом. Однако осмысление обращения и полагания на Всевышнего при важнейших жизненных ситуациях объективировано в авар. *ЧIужу ячунелъул ги чу босулелъул ги, берал ги къанщун, Аллагъасде божилъи гъабе* «При женитьбе, как и при покупке лошади, закрыв глаза, полагайся(надейся) на Аллаха» [2].

Православно-христианское и исламское религиозное сознание сходны в осмыслении признака «все в мире по воле Бога/Аллаха», что объективируется в паремиологической картине национальной (русской и аварской) концептосфер: рус. *Бог не захочет, и пузырь не вскочит. Бог души не вынет, сама душа не выйдет.* [9]. Авар. *Аллагъасухъ балагъун гъекъолебила г1анк1уялъ лъим* «Даже курица пьет воду по воле Аллаха (букв. оглядываясь на Аллаха)» [2].

Социальное равенство людей перед Богом актуализировано в рус. *Перед Богом все равны.* авар. *Хан хола, лагъги хола – кIиялго башалъула* «Хан умрет, и раб умрет – оба равны (перед Всевышним)». *Ахиркиямасеб къо киназдего щола* «Судный день придет ко всем». Соответственно, равно и правитель и его раб равны в ответе за свои грехи. так же, как и простые смертные не должны совершать грехи, а если совершили, то должны понести заслуженное наказание.

Искренность веры, отказ от показухи являются важнейшими признаками мусульманина: авар. *Магжилъ иман букIунареб, рекIель гурони* «Вера сосредоточена в сердце, а не в бороде» [2], истинная вера заключена глубоко в сердце, внешняя атрибутика без хузура не приветствуется в Исламе.

Как ранее нами отмечалось, ценностная составляющая «Веры/Неверия» представлена как добродетель, благодать, милосердие религии и человека в ней, Священные Писания учат верующих что хорошо, что плохо, как не следует поступать, что порицается Богом/Аллахом, а что одобряется. В семантике аварских пословиц ложь и клевета как пороки, порицаемые религией качества человека, подвергаются осуждению: авар. *Каламалда жаниб бищунго нахъег I анаб жо – гьереси, гьерсазда гъоркъобги ц I акъго хъубаб жо – мац I гъаби* [Самым гнусным в речи является ложь, из лжи самой мерзкой – сплетня]. *Раг I анщинаб бицаравги – гьерсикъан, бихъанщинаб бицаравги – мац I ихъан* [Человек, доносящий все, что услышал – лжец, и доносящий все, что увидел – сплетник]. Ср. с рус. *Всякая неправда грех*. В религиозной картине мусульманина ложная сплетня, клевета может привести к искуплению грехов жертвы клеветы: авар. *Зоб роц I адго балеб ахир гъеч I еб ц I ад, ниль рац I ц I адго лъолел хъубал бугътанал* [Гнусная клевета очищает нас, подобно льющемуся с ясного неба дождю]; *XIарамаб боцIи-малги – жужахIалъул цIул буго, жиндийго гъеб боркъизе къо бихъун бакIарулеб* [Запретное имущество – что дрова для Ада] [4, с. 154]. Духовно-нравственная сфера человека, его отношения в обществе, семье, морально-этические стороны поведения регулируются, как известно, в исламе: авар. *Ч I ужу инжит гъаюлев чи – Аллагъасул тушман, ятим къварид гъавулев чи – Аллагъасул ги халкъалъул ги тушман* «Тот, кто обижает жену - враг Аллаха, тот, кто обижает сироту - враг Аллаха и человечества». *XIайваналцин рагъизе тIами Аллагъас гъукъараб жойила.* ««Аллах запрещает заставлять бороться/драться даже скотину».

Верующий человек ассоциируется носителями как русского, так и аварского языка с порядочным, совестливым, честным человеком. Рус. *Бог любит праведника, а черт ябедника . У них вера хороша (говорят о народе, т. е. нравственность)*. [9]. Менять веру

– *менять и совесть* [9]; авар. *Иман гъеч I ев – ях I гъеч I ев* [26, с. 126]. *Иман бахъун* (букв. веру=совесть отняв), бессовестно, безжалостно.

Аварские паремии фиксируют этнокомпонент «заниматься бесполезным делом» через интерпретацию богоугодных дел: авар. *Баркала гъечIеб кечI – кири гъечIеб лаила* «Как песня без благодарности, что зикр (помянуть Всевышнего), лишенный воздаяния». *Туркидул кири гъечIеб, кочIол хIакъ гъечIеб* «Ни воздаяния за духовные оды, ни греха за песнопения».

Неверие как концептуальный признак актуализируется посредством компонента «безбожник; вероотступник», неприятие никакой религии, отсутствие веры в человеке губительно для его плоти и души: рус. *Ни богу свечка ни черту кочерга* [9]; авар. *Бусурманлъун как гурев, капурлъун хъанч гурев* «Ни молитвы мусульманина, ни креста христианина» [2]. Причастность греху, проступки и ошибки верующего человека по данным паремиологических фондов сопоставляемых языков прощаются при условии смиренного покаяния; утверждается мысль о грешности человечества: Рус. *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил. Милость над грехом – что вода над огнем* (т. е. властна); *Грех грехом, а вина виной. Все мы не без греха. Один Бог безгрешен. Един Бог без греха.* [9]. авар. *Мунагъго гъечIей яс ялагъулаго, чIужуго щвечIого, хутIаравил* (досл. «В поисках безгрешной невесты остался без жены»). Следовательно, неверие, безбожие рассматривается как самый тяжкий и большой грех: *Нет греха хуже безбожия. Аллах и его рабы есть в любой стране* [18, с.29]. *Нет для человека более красивой одежды, чем набожность* [Там же, с.30].

Таким образом, объективация двухъядерного оппозитивного концептуального поля «Вера/Неверие» в русской и аварской лингвокультурах обнаруживает больше сходств, чем различий.

Таким образом, сила веры заключается не только в убеждениях и отдельных нравственных качествах человека, но и в его помыслах, действиях и поступках: *Глубина веры подтверждается делом* [18, с.28]. Изучаемый концепт связан с такими специфическими нравственными концептами аварской языковой картины мира, как «Ях I» и «Намус», (совесть, честь, стыд), часто актуализирующими религиозный код культуры: *Бихъинчиясул яхI гурони, жужахIальул цIеца бухIулареб жо гъечIебила* «Единственное, что не горит в адском пламени – это честь мужчины». *ЖужахIальул цIецаги бухIулареб жойила яхI* «Даже в огне ада совесть не горит». Примечательно, что «совесть не только вступает в противоборство с грехами человека, но находит поддержку и в других чувствах – в стремлении человека к миру с собой, с людьми и с Богом» [11, с.125].

В аварской лингвокультуре фразема *тIабигIат берцинлъи* «благой нрав» интегрирует значение религиозно-сакральное и обыденное (человек набожный => благонравный). Соответствующее положение дел репрезентируется через устойчивые формулы благопожеланий и паремий: *иман бугев вукIайги лъимер* «с верой истинной будет рожден (о новорожденном)», *иман-яхъ бугев рос щвайги* «с верой-совестью пошлет жениха», *иман шулияб кье БетIергъан* «О Всевышний, дай мне крепкую веру» и т.п. [25]

Допустимость употребления в аварском языке «конструкций типа лексемы *иман бугев* чи в значении «набожный, верующий человек» и параллельно в значении «честный, порядочный человек», что фиксируют также и словари, говорит о народных стереотипах мышления, воплощенных в языке» [24, с.388].

Библейская идея «Каждому воздастся по его делам», имеющая уточненную семантику в исламе – «Поистине, дела (оцениваются) только по намерениям, и, поистине, каждому человеку (достанется) только то, что он намеревался (обрести)» ^[39], может стать краеугольным камнем в процессе переформатирования духовно-нравственных интенций общества в целом и каждой религиозной личности в отдельности.

Библиография

1. Аварско-русский словарь (под ред. М. М. Гимбатова). Махачкала: ДНЦ РАН, 2006, 2096 с.
2. Алиханов З. Аварские пословицы и поговорки. Махачкала, 2016. (на авар. яз.).
3. Аль-Газали, М. Возрождение религиозных наук / Абу Хамид Мухаммад аль-Газали ат-Туси. Пер. с араб. яз. книги "Ихйа' 'улум ад-дин". В десяти томах. 1-е изд. Махачкала: Нуруль иршад, 2011. 460 с.
4. Аль-Чиркави, С. (2011). Танбигъ-ль-г'авам ила даг'ивати-ль-Къуръан: Побуждение внять призыву Корана. В четырех томах. Том 4, 1-е издание. Махачкала: Нуруль иршад, 2011. 491 с. (на авар.яз.)
5. Байрамова Л.К. Отражение в библейских текстах ценностей и антиценностей и отсутствие некоторых их корреляций с эпизодами современной жизни. Филология и культура. 2014. №4(38), с. 25-28
6. Балашова Е.Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕ-РА/FAITH в русском и английском языках. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, № 2, 2010, с. 92-98
7. Гибатова Г. Ф. Аксиология в языке. Вестник Оренбургского государственного университета, 2011, №2 (121). С. 127-132
8. Гоголюк Ю. Е. Лингвокультурологическое исследование концепта «вера». Труды Белгородской духовной семинарии, 2018, с. 52-56
9. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2-х томах. М.: «Художественная литература», 1989. 433 с.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Вып. 3: Политический дискурс: История и современные исследования. Герасимов В. И., Ильин М. В. (ред.). М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 32–43.
11. Домусчи С. А. Нравственный мир человека в христианском богословии и русских пословицах. Развитие личности. № 3, 2017, с. 113-128
12. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 534 с.
13. Казнина Е. Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.
14. Карасик В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов/ под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 13 – 15
15. Карасик В. И., Милованова М. С. Осмысление жертвоприношения: дискурсивные векторы оценки. Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 321–336. DOI 10.17223/ 18137083/74/24
16. Козлова Е. А., Гремицкая М. В. Концепт ВЕРА и религиозный дискурс: влияние медиа. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023., Том 16. Выпуск 1. С. 285-290
17. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006 [Электронный ресурс],

<https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com/14924-ИМАН>

18. Кухарева Е. В. Лингвострановедческий словарь арабских паремий. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГИМО «Университет», 2015. 240 с.
19. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998 [электронный ресурс] <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
20. Кушнир О. Н. К вопросу о концептосфере религиозного // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2011. № 130. С. 108-118.
21. Легойда В.Р., Шестерина А.М., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С. Интерпретация концептов веры и прощения в телепередаче религиозной направленности «Парсуна» // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 5. С. 82-102. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2022.82101
22. Магомедова А.Н. Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры // Исламоведение. Махачкала, 2019. № 4. С. 76-81.
23. Магомедова П. А., Микаилова А. А. Опыт концептуального анализа паремиологической картины мира разноструктурных языков: концептосфера «ПЛОХО». Махачкала: Издательство Алеф, 2022, 176 с.
24. Магомедова П. А., Сабулаев Ю. М. Вербализация понятия благонравие в религиозном (исламском) дискурсе языка. Мир науки, культуры, образования. № 4 (89), 2021.
25. Магомедова П.А., Гасанова М.А. — Репрезентация концепта ВЕРА/ИМАН в русскоязычном религиозном (исламском) дискурсе // Филология: научные исследования. – 2022. – № 12. – С. 63-77. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39474 EDN: MUEWAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39474
26. Магомедханов М. М. Аварско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1993-409 с.
27. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 21-28.
28. Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрально-го и светского //Метафизика, 2016, № 4 (22), с. 87-99
29. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок [Текст] : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Международная ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.
30. Мусульманин и его личность в свете Корана и Сунны / Сост., пер. с араб., перераб., прим. Е. Сорокоумовой. М.: Умма, 2012. 576 с.
31. Найденова Н.С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 988—1000.].
32. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008
33. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «ГРЕХ» и итальянского «РЕССАТО»). Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 167-177
34. Писарь Н.В. Особенности вербализации концепта «вера» в остромировом Евангелии 1056-1057 года // Казанская наука. 2016. № 5. С. 72-74.

35. Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 127-148
36. Пушкин А.А., Тенякова Е.А. Ценностные концепты в современной парадигме духовно-нравственного воспитания: лингвопедагогический аспект. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22423> (дата обращения: 03.04.2023).
37. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира. Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 23-35.
38. Русско-аварский словарь (сост. С. З. Алиханов). Махачкала: ДНЦ РАН, 2003. 700 с.
39. Сахих аль-Бухари (Краткое изложение) / Перевод Владимира Абдаллы Нирша. 1-ое издание. В 2-х т. – М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. Т.1. 472 с.
40. Сибирева М.В. Концепт «Вера» в русской языковой картине мира: лексикографический аспект // Когнитивные аспекты лексикографии. 2009. С. 150-154.
41. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: «Языки русской культуры», 1997, 992 с.
42. Талапова Т. А. Концепт «Вера/Неверие» в русской языковой картине мира. Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Абакан, 2009, с. 22.
43. Тафсир Корана 5-ое изд-е. Аль-Ашбал, 2015. 706 с. (на авар. яз.)
44. Тимошевская Т. А. Национально-культурные особенности функционирования концепта «Вера»: на материале русского и английского языков: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 23 с.
45. Христианство // Энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики рассмотрения концептов сферы «духовные ценности» в языковой картине мира носителей русского и аварского языков. Исследования в области сравнительного анализа русского языка и одного из языков народов Российской Федерации к коим относится аварский язык являются ценными.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Центральной проблемой статьи является репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в исламском и православном дискурсах с целью выявления специфики лингвокультурного концепта. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Библиография статьи насчитывает 45 источников, среди которых теоретические работы только на русском языках. Считаем данное количество неоправданно избыточным в рамках рассматриваемой работы. Кроме того отсутствуют работы иностранных языках по смежным темам исследования, которые бы несомненно обогатили работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.